

Абстрактный рисунок на бумаге, несомненно, имел свой «смысл» или, вернее, «правила».

Цинь Бугуй взглянул на ластик в своей руке, задумался на мгновение и, вместо отступления, шагнул вперёд. Под крики испуганного Бай Яна он увернулся от удара гигантского топора, схватил две странные ноги монстра и провёл ластиком по бумаге в области колена — будто лезвием по коже.

Раздался едва слышный шорох, словно бумагу сложили.

Одна из стремительно бегущих ног с хрустом подломилась, будто невидимая сила вырвала колено, лишив его опоры.

Монстр, у которого остались лишь ноги, продолжал движение. Он поворачивался к Цинь Бугуй, смешно и жутко переступая сложенной правой ногой (оставшейся лишь до бедра) и левой, в два раза длиннее.

Не меняясь в лице, Цинь Бугуй ударил по бумаге ногой, остановив лёгкого, как пух, монстра, и высокомерно прижал его к полу. Затем взял ластик и провёл им по другому колену.

— Осторожно! — выкрикнул Бай Ян.

Цинь Бугуй слегка поднял голову, увернулся от атаки руки и, используя ластик как щит, легко стёр краску с рукояти топора, после без колебаний «разрезал» руки и шею чудовища.

Бай Ян, бросившийся за Цинь Бугуй в страхе за его безопасность, стал свидетелем захватывающей дух сцены. Его охватили одновременно напряжение и восторг, он едва мог дышать.

Остановившись рядом, Бай Ян с удивлением и радостью на лице не удержался:

— Это было слишком опасно! Как ты мог броситься один? Вдруг бы поранился!

Цинь Бугуй промолчал. Он разглядывал слегка стёртый ластик, всё ещё шевелящиеся части монстра и обнажившуюся белую бумагу. Подумав, поднял ноги и внимательно осмотрел их.

Бай Ян, видя, что Цинь Бугуй игнорирует его и не собирается извиняться, с досадой посмотрел на него. Решил про себя, что в следующий раз сам первым расправится с монстром, чтобы Цинь Бугуй не рисковал.

— Что случилось? — с любопытством спросил он.

Цинь Бугуй взглянул на циркуль в руках Бай Яна. Один конец циркуля был острым серебряным наконечником, другой — чёрным грифелем карандаша.

Как известно, карандашом можно рисовать.

И обычно рисуют на бумаге.

Цинь Бугуй резко и грубо вырвал у монстра обе ноги.

Бай Ян невольно почувствовал боль, инстинктивно прикрылся и подумал, что холодный Лоу И, хоть и крут, но слишком суров... Лучше не злить его впредь.

Цинь Бугуй вытер ластиком ногу, свернул её в свиток и передал Бай Яну:

— Держи у себя.

Бай Ян закивал, бережно спрятав «подарок», впервые вручённый ему Цинь Бугуй, и серьёзно сказал:

— Я буду хранить это как сокровище, дороже собственной жизни!

— ...Не переусердствуй, — ответил Цинь Бугуй.

Они продолжили исследовать подземелье. Бай Ян, как всегда, шёл впереди.

«Если снова встретим бумажного монстра, может, понадобится ластик Цинь Бугуй», — подумал он. Размышляя, стоит ли попросить у Лоу И ластик, Бай Ян понимал: независимый и решительный Лоу И вряд ли легко согласится.

...А если упрямится, может, стоит его поцеловать, чтобы смягчить?

Бай Ян задумался, на лице появилась блаженная улыбка.

В следующее мгновение Цинь Бугуй схватил его сзади за руку, заставив остановиться.

Едва Бай Ян собрался спросить «Что?», как Цинь Бугуй с серьёзным видом сделал знак молчать. Тот немедленно закрыл рот, насторожился и прислушался.

«Скрип, скрип».

Звук, будто что-то тяжёлое медленно тащилось по полу.

Шум напоминал трение камня о камень. Едва эта мысль мелькнула, из-за угла появился высокий, со светлой кожей, странно знакомый монстр. Он «проплыл» вперёд, притягивая к себе всё внимание.

Действительно, слово «проплыл» лучше всего описывало его движение.

Бай Ян, не отличавшийся высокой культурой, открывал и закрывал рот, отчаянно пытаясь вспомнить. Через три секунды его осенило, и он восторженно указал на монстра:

— Это «Давид»! «Давид»! Лоу И, ты знаешь? Тот самый, которого высек Микеланджело!

Зрители начали комментировать:

— Ничего себе!

— Шедевр мирового искусства сбежал из музея!

— Какой красивый...

— Только вот чего-то важного не хватает (смущение).

За исключением одной цензурированной части, «Давид» был практически идентичен оригиналу. Его рост — почти четыре метра, плюс полутораметровый пьедестал. Огромная фигура полностью перекрыла проход.

Но в отличие от реального «Давида», этот был живым. Он молод, красив, высок и

величественен, настолько реалистичен, что, кажется, чувствуешь его дыхание и сердцебиение, пульсацию вен под кожей.

И, конечно же, как и оригинал, он был гол.

Бай Ян, выкрикнув несколько раз, вдруг вспомнил и с ревностью обернулся:

— Не смотри!

Цинь Бугуй: «... Не смотреть и ждать, пока он меня ударит?»

Игнорируя крики Бай Яна, Цинь Бугуй внимательно осмотрел тело и лицо Давида.

Тело и вправду было прекрасным: изящные формы, сильные мышцы, виднелись контуры рёбер. Он стоял на пьедестале в естественной позе, ноги расставлены, правая рука опущена. Голова повернута влево, черты лица красивы и спокойны, с чёткими линиями; во взгляде читались гордость и рациональность.

К сожалению, в отличие от Бай Яна, кричавшего о том, что «он голый!», Цинь Бугуй вообще не обращал на это внимания. Внимательно осмотрев статую и убедившись, что она обнажена, он с удивлением, словно смотрел на дурака, подумал: «У него даже оружия нет, не говоря уж о доспехах. Он что, сюда просто так пришёл?»

Что ещё интереснее, ноги Давида были закреплены на пьедестале. Он двигался медленно и не проявлял агрессии, словно самовлюблённый манекен, меняющий позы. ...Неужели он вообще не понимает, что он монстр?

Оставлять его на пути было неразумно. Подумав, Цинь Бугуй предложил:

— Нарисуй пистолет... нет, кнут.

— А? — удивился Бай Ян.

Цинь Бугуй пояснил:

— Чтобы разобраться с ним.

Бай Ян, подавив ревность, пробормотал:

— У меня тоже фигура хорошая, даже лучше, чем у него... почти такая же!

Затем он развернул свиток и, взяв циркуль, внимательно посмотрел на Давида, бормоча:

— Пистолет? Кнут?

Удивляясь, почему именно кнут, он вдруг «понял» намёк Цинь Бугуй.

— О, «пистолет», нет, «кнут»? Я понял!

Увидев цензурированную часть Давида, Бай Ян, этот маленький умник, сразу сообразил, как пройти уровень. Как в играх с NPC, блокирующими путь: нужно просто дать то, чего не хватает! Просто!

Лоу И даже намекнул так деликатно, скромными словами, — какой же он милый.

Вспомнив, как выглядит тот орган, Бай Ян быстро нарисовал его на бумаге.

Когда рисунок был готов, он выглядел настолько реалистично, что казалось, будто он ожил. Бай Ян, смущаясь и немного возбуждённо, держал его и подбежал к Цинь Бугуй:

— Готово, не трогай, я сам!

<http://bllate.org/book/16254/1462425>